

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Аркадий Зюзин

ЧЕТВЁРТАЯ РОТА

АФГАНИСТАН

Дорогой друг!

Книга, которую ты сейчас прочтешь, расскажет об одном героическом и одновременно трагическом эпизоде Афганской войны, свидетелем и участником которого довелось быть мне.

Минуло 30 лет с момента, как последний советский воин покинул Афганистан. Все дальше по времени отстоят от нас события той войны, длившейся почти 10 лет и унесшей жизни 15000 солдат и офицеров. Но память о них живет и будет жить, как и память о воинах, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Потому что мужество, героизм, готовность отдать жизнь за свою Родину, за своего товарища не имеют срока давности.

В том памятном бою у горного кишлака Коньяк плечом к плечу стояли и насмерть бились друг за друга русский, украинец, белорус, узбек, таджик, азербайджанец, армянин, молдаванин, чеченец, мордвин, татарин, чуваш,

грузин, осетин, туркмен, казах, киргиз. И все вместе они были **Шурави**, все вместе они были **Братишки и Земляки**, все вместе они были **Советские Солдаты**.

Поэтому, я надеюсь, прочитав эту книгу, ты многое узнаешь, а главное – сумеешь осмыслить суть таких понятий, как честь, отвага, верность долгу.

Владимир Щенников,
участник боевых действий в Афганистане, в 1983 – 1986 гг. – командир мотострелкового взвода 149 гвардейского мотострелкового полка.

Дорогие читатели!

Тридцать лет тому назад Советский Союз вывел последнего солдата с территории Афганистана. Масштабная десятилетняя военная кампания пережила трех генсеков, и в конце 1989 года резолюцией Съезда народных депутатов СССР под ней была проведена окончательная жирная черта. Которая – что уж там говорить – стала для воинов-афганцев неприятным сюрпризом. Однако уход советских войск из Афганистана не есть их поражение. Они сражались героически, умело и самоотверженно.

Время смывает издержки, неизбежно связанные с пребыванием любой иностранной армии в чужой стране. Сегодня афганские военнослужащие оценивают свои успехи, состояние повседневной работы в войсках по тем критериям, которые заложили в Афганистане советские солдаты и офицеры. Афганские воины считают, что шурави личным примером воспитали в них дух стойкости и самопожертвования, которые проявились под Джелалабадом и Хостом.

Закрывает «афганский» вопрос, перевернута страница нашей истории, но афганская тема не завершена. Она все сильнее и настойчивее будет звучать в литературе, во внутренней политике, в социальных отношениях, ибо Афганистан пропустил сквозь себя более 660 тысяч человек. Советские солдаты, сержанты и офицеры не напрасно прошли в Афганистане суровую боевую и нравственную школу. Свидетельством тому – деятельность тысяч воинов-интернационалистов по военно-патриотическому воспитанию на Родине.

Николай Пиков,
участник боевых действий в Афганистане, кандидат исторических наук, профессор, полковник в отставке.

Иллюстрация на обложке - Художник Анатолий Хомутильников, «Колонна».

«15 февраля 1989 года – незабываемая дата для участников боевых действий, для всего нашего народа. В этот день последние колонны военной техники, солдат и офицеров Советской армии покинули территорию Афганистана и вернулись домой. В трудных условиях, вдали от Родины военнослужащие и гражданские специалисты честно выполнили свой долг, отстаивали интересы Отечества, при решении ответственных задач демонстрировали высочайший профессионализм, беспримерное мужество и силу духа».

Президент России Владимир Путин

В КАЧЕСТВЕ ПРОЛОГА

Шел шестой год афганской войны. Советская 40-я Армия или Ограниченный контингент советских войск в Афганистане (ОКСВА) вела ожесточенные боевые действия с моджахедами практически на всей территории Афганистана. Вместо того, чтобы совместно с правительственной армией Афганистана разгромить крупные вооруженные формирования мятежников в базовых районах и оказать содействие Кабулу в укреплении органов государственной власти на местах, ОКСВА, по существу, окончательно втянулся в полномасштабную гражданскую войну, раздиравшую похожую на доскутое одеяло страну. Полного уничтожения вооруженных формирований мятежников достичь не удавалось, а насаждаемые органы власти быстро ликвидировались моджахедами. К тому же лидеры мятежников, понимая, что захват власти вооруженным путем в данной ситуации невозможен, стали применять тактику затягивания войны.

Каждый год численность вооруженных формирований моджахедов росла в геометрической прогрессии. А в правительственных кругах ДРА, в рядах командования армии, министерств госбезопасности и внутренних дел, среди местного населения моджахеда имели широко разветвленную и хорошо организованную сеть осведомителей. Из соседних Пакистана, Ирана и Китая нескончаемым потоком текли оружие, боеприпасы, снаряжение.

Современное административно-территориальное устройство Афганистана

Вооружение моджахедов; 1 - 7,62 мм автоматы АК-47, АКМ, 2 - винтовка Ли Энфилд («Бур»), 3 - крупнокалиберный пулемет ДШК, 4 - 5,45 мм автомат АК-74 с подствольным гранатометом ГП-25, 5 - гранатомет РПГ-7, 6 - переносной зенитно-ракетный комплекс «Стингер» с зенитной управляемой ракетой, 7 - итальянская пластиковая противотанковая мина ТС-6

Причем вооружение душманов становилось все разнообразнее и совершеннее. И если поначалу они воевали, в основном, английскими винтовками БУР (Ли Метфорд и Ли Энфилд) начала XX века и китайскими или египетскими «Калашниковыми», то через несколько лет войны в их арсенале появились американские автоматические винтовки М-16А1, автоматы производства ФРГ, Израиля, Англии, Швеции, крупнокалиберные пулеметы ДШК, ручные противотанковые гранатометы, безоткатные орудия, минометы, противотанковые управляемые ракеты, зенитно-горные установки и зенитные пушки, переносные зенитно-ракетные комплексы, в том числе, новейшие американские «Стингер».

Предыдущий 1984-й год оказался для ограниченного контингента самым кровопролитным: в ходе военных операций и в отдельных боестолкновениях погибли 2343 военнослужащих, 7737 человек были ранены или заболели. Потери боевой техники: 7 танков, 88 единиц бронетехники, 17 самолетов, 49 вертолетов.

Неестественному для этой поры зною дополнительного жару добавила необычайная активность душманов.

Провинция Кунар является приграничной с Пакистаном территорией, расположенной в сложной горной пересеченной местности. Основную ее часть составляют долины реки Кунар и ее западного притока – реки Печдара.

Административный центр провинции г. Асадабад находится на слиянии этих рек в 15 километрах от пакистанской границы. С 1980 года советский гарнизон в Асадабаде общей численностью около 600 человек, состоял из городка советников и батальона 66-й отдельной мотострелковой бригады с приданными подразделениями. Это был самый восточный пункт дислокации наших войск в Афганистане. Штаб 66-й бригады находился в 92 километрах юго-западнее в г. Желалабад.

Именно здесь, в окрестностях Асадабада, 11 мая 1980 года 40 Армия впервые понесла крупные потери, когда у кишлака Хара в Печдарьинском ущелье в ходе ожесточенного боя погибли 40 бойцов и офицеров попавшего в засаду 1-го мотострелкового батальона «Желалабадской» бригады.

К началу 1985 года в Кунаре создалась очень сложная ситуация. Против небольшого гарнизона советских войск в Асадабаде действовали многочисленные отряды моджахедов из Исламской партии Афганистана под предводительством непримиримого религиозного фанатика Гульбедин Хекматиара, прозванного за свою жестокость «кунарским мясником».

Кроме них на территории провинции орудовали формирования полевого командира, бывшего подручного Хекматиара, Юнуса Халеса. Также под командой этих вождей воевали так называемые «черные аисты» – душманское спецподразделение, созданное из отборнейших головорезов для проведения диверсионных операций и прошедших усиленную подготовку под руководством американских и пакистанских инструкторов. «Аисты» могли одновременно исполнять обязанности радиста, снайпера, минера, владели почти всеми видами стрелкового оружия и отличались особой, звериной жестокостью. Общая численность духов в провинции составляла около 7000 бойцов.

Административный центр провинции Кунар - г. Асадабад.
Вид со стороны района Дамкалай.

А еще через провинцию Кунар проходило более 20 транзитных караванных маршрутов из Пакистана.

И это только с афганской стороны. На пакистанской же стороне в резерве Хекматиара находилось еще 3000 моджахедов.

И если на участке между Асадабадом и Желалабадом частями и подразделениями 40-й Армии неоднократно предпринимались попытки

ликвидации каналов поставки вооружений и боеприпасов, то севернее от Асадабада советские войска практически никак не могли контролировать ситуацию. Кроме того, нарастающая численность противника угрожала прервать автотранспортное сообщение между Желалабадом и Асадабадом, по которому шло снабжение войск.

Афганские правительственные войска себя никак не проявляли и, наглухо запершись в гарнизонах, ни о чем другом, кроме как «день простоять да ночь продержаться», не помышляли. Дезертирство из армии было массовым. При первой опасности сарбозы (военнослужащие афганской армии) в лучшем случае разбегались, в худшем – переходили на сторону моджахедов.

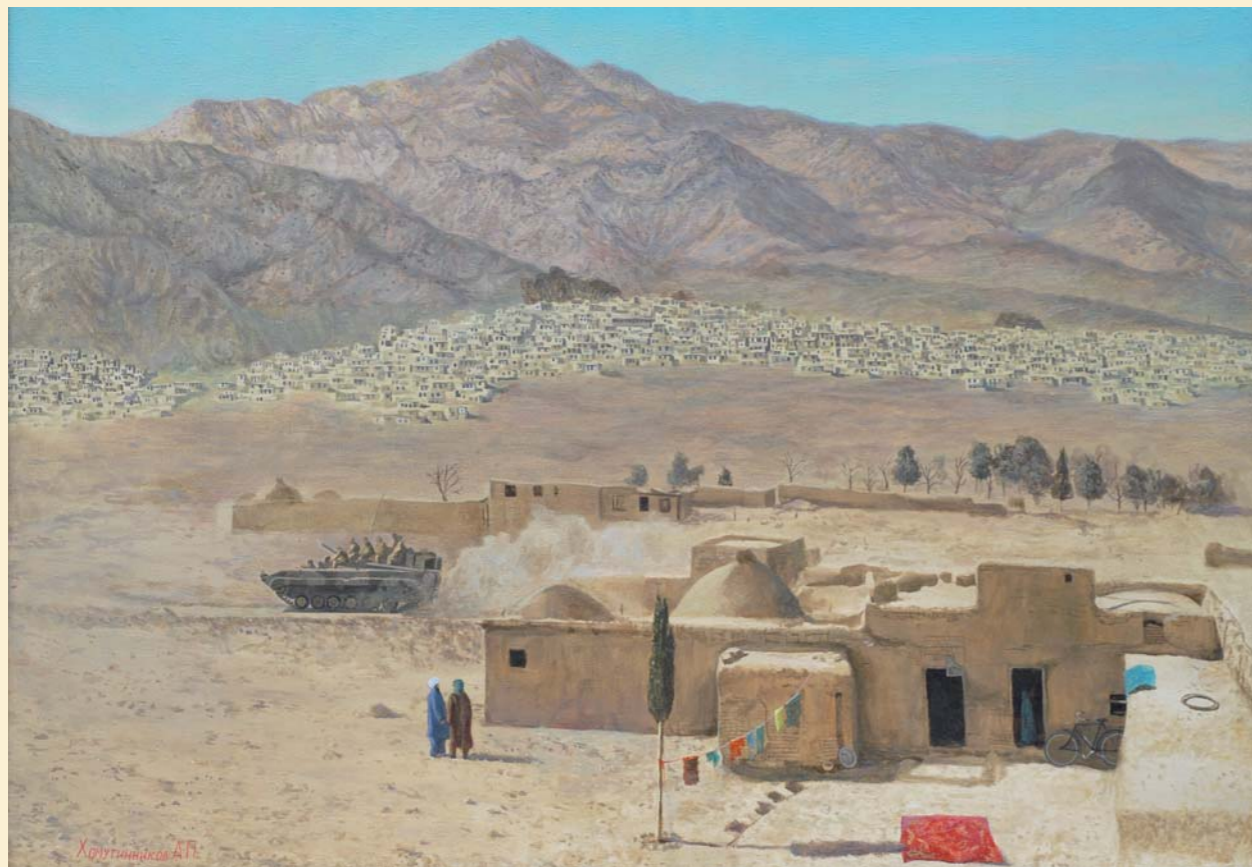
В начале 1984 года военное руководство СССР приняло решение взять под контроль караванные дороги и тропы, соединяющие Афганистан и Пакистан с целью уничтожения караванов, снабжавших душманов. Для этого весной 1985 года в приграничные с Пакистаном провинции были дополнительно введены 5 отрядов специального назначения ГРУ. 27 марта в Асадабад из Белоруссии был передислоцирован 334-й отдельный отряд специального назначения (334-й ооСПН, он же 5-й омсб).

С его приходом асадабадский гарнизон советских войск вырос до 1100 человек.

Однако первый же боевой выход спецназа обернулся трагедией: 21 апреля в Мараварском ущелье в душманскую засаду попала 1-я разведывательная рота.

В результате засады две группы спецназа оказались отрезанными от основных сил двойным кольцом противника, оставшись без прикрытия с гор. Перевес противника в силах был четырехкратным, основной костяк – «черные аисты». В ходе этого неравного боя более 60 душманов были уничтожены. Однако и спецназ понес тяжелые потери – погибло 29 солдат и офицеров. Еще трое разведчиков погибли в течение

«Кишлак в окрестностях Кабула». Художник Анатолий Хомутильников.

Художник Анатолий Хомутильников с мая 1988 г. по февраль 1989 г. проходил службу в 180-м мотострелковом полку (в/ч тп 51884) — Кабул (район Даруламан).

На совещании полевых командиров моджахедов в провинции Кунар. Фото С. Маккарри, 1985 г.

следующих двух суток, когда бойцы 334-го ооСПН при поддержке 154-го отряда СПН и десантно-штурмового батальона 66-й мотострелковой бригады под огнем выносили изуродованные тела своих товарищей. Практически все были со следами пыток. Многих опознали лишь по наколкам и деталям одежды.

Эта трагедия показала истинное положение дел в окрестностях Асадабада. Поэтому руководством 40-й Армии было принято решение по незамедлительному уничтожению формирований противника, действующих в данном регионе. Второй целью операции стало деблокирование дороги, соединяющей Желалабад с городком Барикот, в котором располагались части афганской армии. Разработкой операции занялся недавно назначенный командующим 40-й Армией генерал-лейтенант И.Н. Родионов.

По плану операции ущелья и долины рек Кунар и Печдара были разбиты на участки шириной и глубиной примерно в 20-30 километров, которые предстояло «зачистить» от моджахедов и ликвидировать их инфраструктуру: базовые районы, опорные пункты, перевалочные базы, склады вооружения и боеприпасов.

После мощной артиллерийской подготовки на закрепленные за воинскими частями участки должны были высадиться тактические десанты от 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой и 66-й отдельной мотострелковой бригад. Одновременно

Генерал армии Игорь Николаевич Родионов
(1936 – 2014)

Командующий 40-й общевойсковой армией Туркестанского военного округа СССР в Демократической Республике Афганистан с 19 апреля 1985 г. по 30 апреля 1986 г.

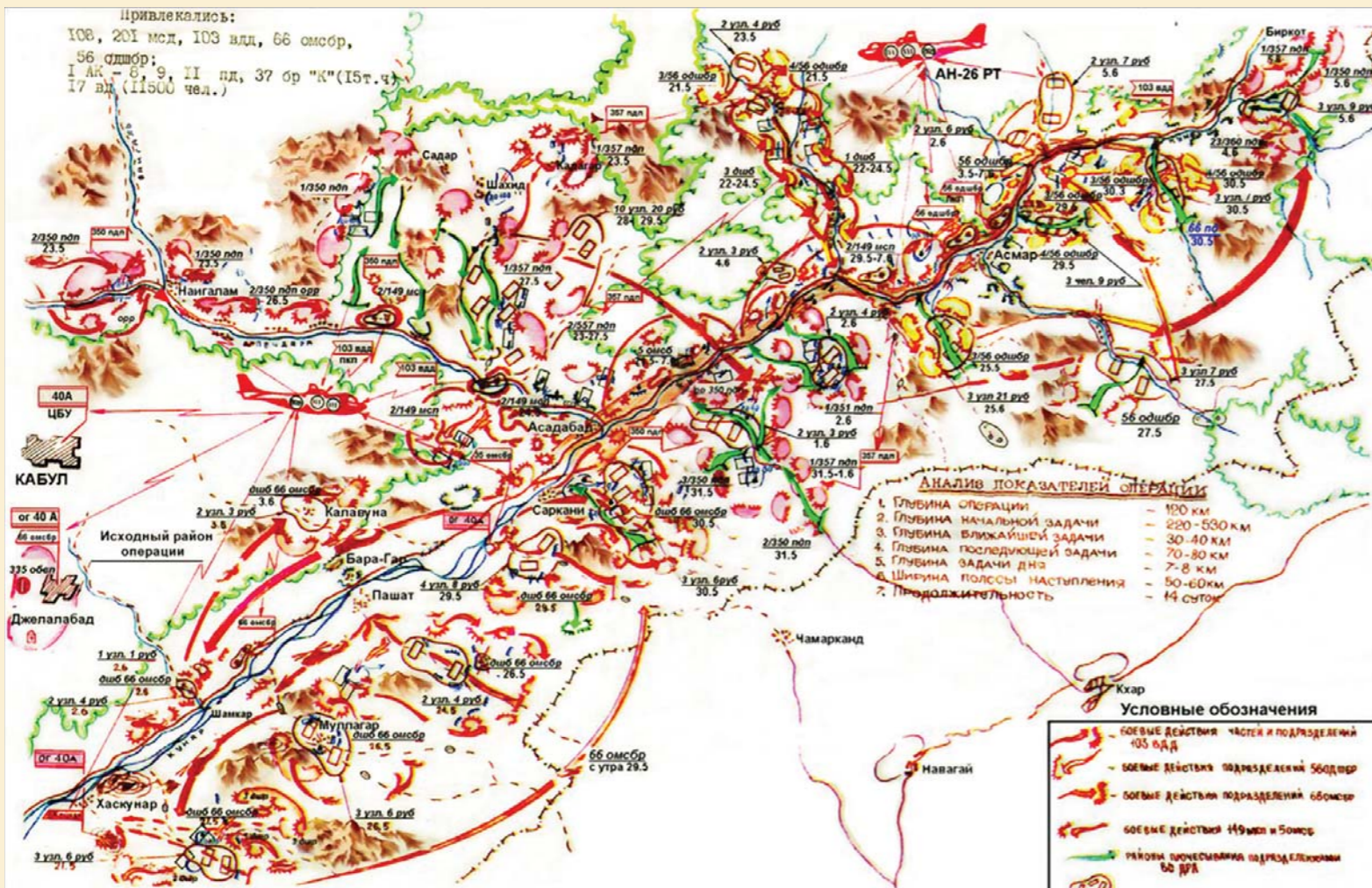
Герой Советского Союза генерал армии
Валентин Иванович Варенников
(1923-2009)

вдоль долины реки Кунар в направлении Асадабада, выдвигались бронегруппы 108-й и 201-й мотострелковых дивизий советских войск и подразделений правительственных войск ДРА. Общее количество участвовавших в операции военнослужащих достигло 17 000 человек.

К началу боевых действий противник дополнительно ввел с территории Пакистана резерв в 3000 бойцов и, упреждая продвижение большой группировки советских войск, подорвал на участках, выбитых в скалах над рекой Кунар, единственную горную дорогу, связывающую Асадабад и Желалабад. В связи с этим подразделения 45-го отдельного инженерно-саперного полка вынуждены были по мере продвижения восстанавливать дорожное полотно и наводить переправы через Кунар.

Основная фаза операции началась 19 мая и продлилась до 12 июня. Непосредственно руководил операцией начальник Группы управления Министерства обороны СССР в Афганистане, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Валентин Иванович Варенников.

Решение командующего 40-й Армией на проведение совместных боевых действий. (Кунар-85)

РЕЙДОВЫЙ БАТАЛЬОН ИЗ КУНДУЗА

В сентябре 1986-го автору этих строк предстояло отправиться из Центральной группы войск в Афганистан. Еще не зная точно будущего места службы, я пытался расспрашивать своих сослуживцев – офицеров и прапорщиков, уже побывавших «за речкой», что там к чему и как. Файзабад, Шинданд, Гардез – все это звучало красиво и загадочно, однако составить достаточно цельного представления о том, куда придется ехать, не получалось. Чаще всего возможные места моего пребывания они характеризовали прибаутками из «афганского» фольклора. Вот некоторые из них. Если хочешь жить как туз – поезжай служить в Кундуз – звучало весьма заманчиво. Другой вариант выглядел менее предпочтительным: если хочешь жить в пыли – поезжай в Пули-Хумри. И совсем уж печальное: если хочешь пулю в зад – поезжай в Асадабад (или Желалабад, на выбор). Хотя нарваться, по свидетельству моих советников, можно было везде – хоть в чарикарской зеленке, хоть в Хайратоне.

В Ташкенте в штабе ТуркВО мне выпал первый, «козырный», вариант – Кундуз. Точнее – 201 мотострелковая дивизия, 149 гвардейский мотострелковый полк. Здесь вашему покорному слуге пришлось прослужить более полугода до перевода к новому месту службы. Довелось, кстати, потом побывать и в Асадабаде. По счастью, заполучить там пулю в описанное выше место не случилось.

Штаб 201-й Гатчинской Краснознаменной мотострелковой дивизии находился на южной окраине Кундуза в районе аэродрома, как раз между расположениями 149-го гв. мсп и медсанбата.

Дивизия была введена в Афганистан в феврале 1980 года. В Кундузе она дислоцировалась вместе с 56-й отдельной десантно-штурмовой бригадой, которой в то время командовал наш легендарный земляк-дмитровчанин гвардии полковник Александр Николаевич Плохих. В 1982 году 56-ю одшбр передислоцировали в район Гардеза.

Зона ответственности полков 201-й дивизии (149-й гв. мсп 395 и 122-м мсп) включала в себя практически весь северо-восток и большую часть севера Афганистана: провинции Бадахшан, Саманган, Тахар, Кундуз, Баглан, Балх, Джаузджан – полностью и частично провинцию Фарьяб.

Непосредственно 149 гв. мсп отвечал за обширный район, включавший в себя провинции Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан, Балх и Саманган с населенными пунктами Кундуз, Баглан, Андараб, Хост-о-Ференг, Мазари-Шариф, Ташкурган, Ханабад, Талукан и др. Поэтому в связи с необходимостью организации сторожевого охранения подразделения 149-го гвардейского полка были рассредоточены по всей этой

Южный Кундуз, в районе аэродрома (слева - здания аэропорта). Фото 2007 г.

1983 год. 6 мср работает в районе Бахарака в провинции Бадахшан.

территории. Так в Кундузе располагались 1-й и 2-й мотострелковые батальоны, артиллерийский дивизион и подразделения боевого и тылового обеспечения. 3-й мсб «сидел» на сторожевых заставах в провинции Баглан. Танковый батальон двумя ротами был сосредоточен по заставам в провинции Тахар в районе Талукана. Третья его рота базировалась в Алиабаде, в 16 километрах южнее штаба 149-го гв. мсп.

В зоне ответственности полка спокойно не было никогда. «Духи» упорно не

желали мириться с пребыванием советских войск на их территории, поэтому активно воевать с ними приходилось постоянно: проводить бесчисленные рейды глубиной в десятки и даже сотни километров, «вычислять» бандформирования, блокировать и прочесывать районы их возможного расположения, устраивать засады на них, уничтожать учебные базы, склады и схроны с оружием и боеприпасами, а также охранять автоколонны на маршрутах.

«Ущелье». Художник Анатолий Хомутильников.

Март 1984 г., провинция Бадахшан. 4 мср на пути из Кишима в Файзабад.

Главная проблема рейдовых действий заключалась в том, что основные разведанные о моджахедах на направлении предстоящего рейда приходилось получать от афганских разведывательных органов. Однако нередко эти данные не в полной мере отражали действительное положение дел, а то и оказывались просто ложными.

Основными рейдовыми подразделениями 149 гв. мсп были 2-й мотострелковый батальон и разведывательная рота. Ко времени описываемых событий батальон успел поучаствовать в боевых действиях по всей территории ДРА: от Бадахшана на северо-востоке до реки Герируд на северо-западе. От иранской границы на западе в провинции Герат до Асмара на реке Кунар в одноименной провинции у пакистанской границы на востоке. А также в провинциях Заболь, Гильменд, Пактия, в Панджшерском ущелье. При этом 4-я (позывной «Рудет»), 5-я (позывной «Банан») и 6-я (позывной «Ампула») мотострелковые роты воевали умело, эффективно и даже лихо. Недаром десятки солдат и офицеров батальона были награждены орденами и медалями, а командир 6-й мср гвардии старший лейтенант Наби Акрамов был удостоен звания Герой Советского Союза.

Начиная с 1984 года к рейдовым действиям стал привлекаться и 1-й мсб в полном составе. До этого 1-я и 3-я мотострелковые роты стояли на заставах, а 2-я мотострелковая рота занималась сопровождением и охраной колонн.

Новый, 1985-й, год для 2-го батальона ознаменовался началом второй Ишкмышской операции, в ходе которой в провинции Тахар был взят укрепленный район и центр по подготовке мятежников с богатыми трофеями.

С конца января – боевые действия в провинции Баглан. В феврале – батальон в районе Айбака. Затем успешная операция в отрогах Мармоля в провинции Балх. На обратном пути в Кундуз были зачищены окрестности крепости Сардоба. Далее – реализация разведанных в междуречье рек Кундуз и Ханабад в Кундузской «зеленке». Потом – опять Баглан. И так до самого начала мая. В середине мая началась упомянутая ранее Кунарская операция. В числе привлекаемых к операции сил и средств 40-й армии был и 149 гвардейский мотострелковый полк в лице 2-го мотострелкового батальона и разведывательной роты.

О трагедии, случившейся 25 мая 1985 года в Панджигальском ущелье, я узнал от ее очевидцев, которых мне удалось застать во время службы в Кундузе. Уже через много лет, перечитывая архивные документы и воспоминания участников событий, удалось восстановить реальную картину того памятного боя в горах Кунара.

НАЧАЛО

Все началось 18 мая 1985 года. Как ранее говорилось, в этот день командование 40-й Армии решило привлечь от 149 гв. мсп к участию в Кунарской операции 2-й мотострелковый батальон и разведывательную роту полка.

Выходить на «боевые» батальону было уже давно не в новинку. Поэтому подготовились быстро, провели строевые смотры, проверили оружие, снаряжение.

Затем – перелет в Кабул. Ранним утром батальон выдвинулся к кундузскому аэродрому. Выстроились на взлетно-посадочной полосе, сделали несколько фотоснимков на память. Следом началась погрузка. Вскоре, приняв на борт участников предстоящей боевой операции, транспортные Ан-12 один за другим взмыли в воздух и направились в сторону Кабула.

До Кабула долетели без приключений. Переночевали в расположении 350-го парашютно-десантного полка (или «полтинника», как именовали это полк). Ранним утром следующего дня на броне его боевых машин выдвинулись из Кабула и за двое суток, с ночевкой в Сурубасе, прошли почти 120 километров до Джелалабада. Ночевали уже в расположении 66-й бригады в Самархейле. А с рассветом 21 мая опять на броне того же «полтинника» проследовали к Асадабаду. Пройдя по дороге вдоль Кунара, высадились в районе его западного асадабадского предместья – кишлака Наубад. Получив боевую задачу, батальон немедленно ушел в горы на первый этап операции.

Район предстоящих боевых действий представлял из себя обширный изрезанный многочисленными каньонами и ущельями горный массив, рассеченный с востока на запад долиной реки Кунар. В районе Асадабада к ней с севера примыкало глубокое ущелье, в котором протекал правый приток Кунара – река Печдара.

Сами горы, вздымающиеся на два километра в небо, – бесконечное нагромождение массивных утесов и почти отвесных скал, покрытых рощами вечнозеленого дуба балут вперемешку с густыми зарослями каркаса, кизильника и акации.

К середине дня добела раскаленное солнце, взобравшись на самую верхушку небосвода, беспощадно выжигало с этой высоты все живое и растущее. Ощерившиеся разломами и трещинами отвесные скалы, каменистые осыпи вбирали в себя и

4-я рота на аэродроме перед вылетом на Кунарскую операцию. Кундуз, Май 1985 года.

Командир 4-й мотострелковой роты 149-го гвардейского мотострелкового полка гвардии капитан Александр Григорьевич Перятинец (1955 - 1985)

выдыхали наружу иссушающий жар, обдавая им тела карабкающихся вверх бойцов.

Даже налегке прогулка по горам в таких условиях – занятие не из приятных. А ведь кроме личного оружия и 8-10 снаряженных магазинов в подсумках или в самодельной разгрузке бойцам надо было еще и тащить на себе тяжеленный, под завязку набитый вещмешок или рюкзак, в который помимо плащ-палатки, сменного обмундирования и сухпайка загружались десятком гранат и около тысячи патронов россыпью в специально сшитых полотняных мешочках. Плюс две-три двухлитровых фляги с водой. К этому следует добавить полторакилограммовую каску и штатный бронежилет Ж-81 весом почти в пять килограммов. Правда, бронежилеты с собой старались не брать – толку от них было мало. Если от осколка, пулевой или излетной пули он еще мог защитить, то пуля, выпущенная из АК, ПК и, тем более, из «Бура» с легкостью пробивала его навывлет. К тому же, стесняя движения, «броник» на солнце нагревался словно сковородка на плите.

Тяжелее всего приходилось приданным каждой мотострелковой роте минометчикам и гранатометчикам. Помимо личного оружия и снаряжения они тащили на себе, соответственно, 82-мм минометы «Поднос» и гранатометы АГС-17 «Пламя». А еще и боезапас. Поэтому каждый пехотинец вынужден принять ко всему своему снаряжению семикилограммовый довесок в виде двух мин к «Подносу». Так что на брата приходилось порядка 35-40 кг.

И уж совсем несладко было командиру 4-й роты гвардии капитану Александру Перятинцу.

Он вернулся в роту из госпиталя, где лечился от вирусного гепатита (куда ж в Афгане от желтухи денешься?), буквально за несколько дней до начала операции. Так что, не успев толком окрепнуть после болезни, пришлось нырять в кунарское пекло.

Глаза застилало мутной пеленой, разрываемой яркими вспышками, невыносимо ломило в правом боку, мучительно тянуло пить. Ноги, словно ватные, подгибались и пробуксовывали по гранитной щебенке, оружие и снаряжение неподъемным грузом тянули к земле. Ротный держался исключительно «на зубах» и командирском самолюбии, совершая над собой невероятные усилия, чтобы продолжать идти, и чтобы не дай Бог, не рухнуть на глазах у своих подчиненных.

К ночи батальон, наконец, спустился обратно к Наубаду. Наскоро поужинали. Бойцы получили сухпай, пополнили боекомплект и запасы воды, после чего просто попадали возле БМПэшек, мгновенно провалившись в глубокий и тяжелый сон.

Поспать удалось от силы часа три-четыре. С рассветом 22 мая батальон получил новую боевую задачу и опять потянулся в горы. По имевшимся у командования разведанным, в районе, куда направлялся 2-й мсб, душманы

То, что гвардейцы таскали на себе в горах:

1. 82-мм миномет 2Б14 «Поднос»,

2. 30-мм автоматический гранатомет АГС-17 «Пламя»

Командир 3-го мотострелкового взвода гвардии лейтенант Владимир Щенников на аэродроме в Кундузе

сосредоточили многочисленные склады с оружием и боеприпасами.

Начать было решено с ближайшей высоты – горы Навабадгар. Перемахнув через нее, батальон выдвинулся к кишлаку Лачак и прочесал его. Затем по вершине хребта гвардейцы направились к горе Валобандесар, неподалеку от которой провели весьма результативный «талаши контрол» (зачистку, досмотр) кишлаков Адваль, Ачаль, Гидре. В их окрестностях было обнаружено сразу несколько «духовских» схронов с боеприпасами. Правда, под завязку были забиты только два из них. Остальные душманы, видимо, успели срочно эвакуировать. Содержимое – патроны и коробки с лентами для пулеметов ДШК, множество патронов калибра 7,62 мм к автоматам и пулеметам Калашникова, патроны к ан-

глийским винтовкам Lee-Enfield («Бур»), мины для минометов, эрэсы (реактивные снаряды), противопехотные мины нескольких модификаций, американские ручные гранаты. Склады с боеприпасами взорвали. Пустые схроны заминировали, оставив там духам изрядное количество мин-ловушек.

После этого, опять по хребту, боевой маршрут батальона протянулся на северо-запад к горе Шарьяксар. Досмотр кишлака Салами, расположенного у подножия горы с обратной ее стороны, и окрестностей толком ничего не дал: присутствие «щурави» в горах было давно обнаружено и главный залог успеха – элемент внезапности – был утрачен. Это стало понятно, когда разведдозорами батальона в километре – полутора несколько раз были обнаружены мелкие группы душманов. Но в бой они предпочитали не вступать и после коротких, абсолютно безрезультатных перестрелок быстро скрывались в горах.

Выяснилось вскоре, что и до этого духи без дела не сидели: когда стали досматривать обнаруженные позиции, оборудованные ими, на противопехотной мине подорвался

приданный 5-й роте сапер. Ему оторвало ступню. Найденные тайники и схроны оказались пустыми. Естественно, все они были заминированы.

По радио поступил новый боевой приказ, и батальон двинулся через очередной хребет дальше на запад. День был в полном разгаре, и все было так же, как и накануне: опять безжалостно палящее солнце над головой и раскаленные камни под ногами. Опять изнуряющие, до обморока, пятидесятиградусный зной и жажда.

Последствия длительных (батальон к этому времени был в горах уже третьи сутки) переходов в полной боевой выкладке среди сплошных минных полей не заставили себя долго ждать – люди стали терять сознание и падать от обезвоживания и тепловых ударов. Батальонные медики спасали их тем, что, уложив в какое-нибудь подобие тени, ставили капельницы с гемодезом и другими физрастворами, растирали и поливали водой, которую отдавали те, кто сумел сберечь во фляжках драгоценную влагу.

Прочесав окрестности кишлака Айбат, гвардейцы развернулись на восток и направились к кишлаку Дар-Керта. Облазили и обшарили все окружающие кишлак скалы и впадины. Наконец, по связи дали команду встречать вертолеты с водой. Вот оно, долгожданное счастье – вода! Вода! Никаких других желаний и мыслей в голове не было. Все остальное выпарило, высушило, выжгло солнце.

Но радовались рано. Резиновые бурдюки РДВ со спасительной влагой, сброшенные с вертушек с пятиметровой высоты, полопались при ударе о каменистую угловатую твердь. Драгоценная и такая желанная вода ручьями потекла по скалам и осыпям, моментально испаряясь и впитываясь в землю. Некоторые из бойцов-первогодков, теряя рассудок от увиденного, бросились облизывать одеревенелыми языками мокрые, еще не успевшие обсохнуть камни. Горевали у разбитого корыта недолго – надо было идти дальше. К вечеру солнце, опускаясь и багровея, постепенно ослабило свою раскаленную хватку. Стало немного легче.

Наконец, 24 мая, в начале десятого, уже в сумерках, 2-й батальон, спустившись с гор, вышел к реке Печдара в районе кишлака Вотапур.

В его окрестностях под прикрытием двух парашютно-десантных батальонов расположился штаб 103 гв. воздушно-десантной дивизии под командованием генерал-майора Ю.В. Ярыгина, а также передовой КП генерала армии В.И. Варенникова, который осуществлял общее руководство боевыми действиями. (Основной штаб по руководству Кунарской операцией и Группа Управления Министерства обороны СССР в Афганистане находились в Асадабаде).

ПО ДОРОГЕ В ЗАПАДНЮ

Казалось, трехдневным мучениям наконец-то, пришел конец. Можно вдоволь напиться, сбросить с себя опостылевшую боевую сбрую, искупаться в прохладной Печдаре и хотя бы немного отдохнуть. Но не тут-то было. Едва успев помыться в реке, гвардейцы получили приказ получить боеприпасы и сухой паек.

Выяснилось, что как только батальон подошел к Вотапuru, комбата майора Ивана Гайдая вызвали на КП для доклада и постановки новой боевой задачи.

Проводил совещание сам генерал В.И. Варенников. По его словам, в районе горного кишлака Коньяк находятся хорошо замаскированные склады с оружием и боеприпасами, недавно доставленными караванами из Пакистана. Причем, охраняют эти склады не более двух десятков духов. Генерал добавил также, что по имеющейся у него информации там могут находиться переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) различных типов, в том числе и новейшие американские «Стингер». Так что 2-му батальону предстояло опять идти в горы.

Комбат доложил, что личный состав батальона после двух дней боевых действий крайне измотан и безуспешно попытался просить, чтобы батальону дали отдохнуть хотя бы до утра, заменив его одним из десантных батальонов. Но разве это аргумент против возможности захватить «Стингер»? Гайдая просто не стали слушать, а тот настаивать дальше на своем не рискнул.

По плану предстоящей операции основная задача по захвату душманских складов отводилась именно 2-му мотострелковому батальону. Для чего ему предстояло совершить ночной марш и к утру выйти в заданный район предполагаемого нахождения складов. Помимо 2-го мсб к выполнению задачи привлекались парашютно-десантный батальон из 103-й ввд и разведроты 149 гв. мсп, которые должны были оседлать господствующие над местностью высоты в окрестностях Коньяка и лишить духов возможности перебрасывать подкрепления охране складов. А также, в случае необходимости, оказать мотострелкам необходимую помощь и огневую поддержку. Разведрота должна было закрепиться на горе Автаксар (высота 2221) и прикрывать батальон с ее южных и юго-восточных склонов. Десантники – занять позиции по восточному хребту Панджигальского ущелья на высотах 1826 и 1909 в районе Коньяка и осуществлять с них огневую поддержку рот 2-го мсб.

Тогда же генерал Варенников представил майору Гайдаю двух афганцев, которых отреккомендовал как агентов ХАДа (Афганской госбезопасности).

– Это проверенные и надежнейшие люди. Приказываю доверять им, как мне самому, – сказал генерал. – Они пойдут проводниками.

Афганцы утверждали, что все подходы к складам заминированы и подойти к ним можно только по секретной духовской тропе. Но они смогут вывести батальон на эту тропу, а затем и к складам. С их же подачи маршрут выдвижения пролег не по возможно кратчайшему и безопасному пути, а в обход.

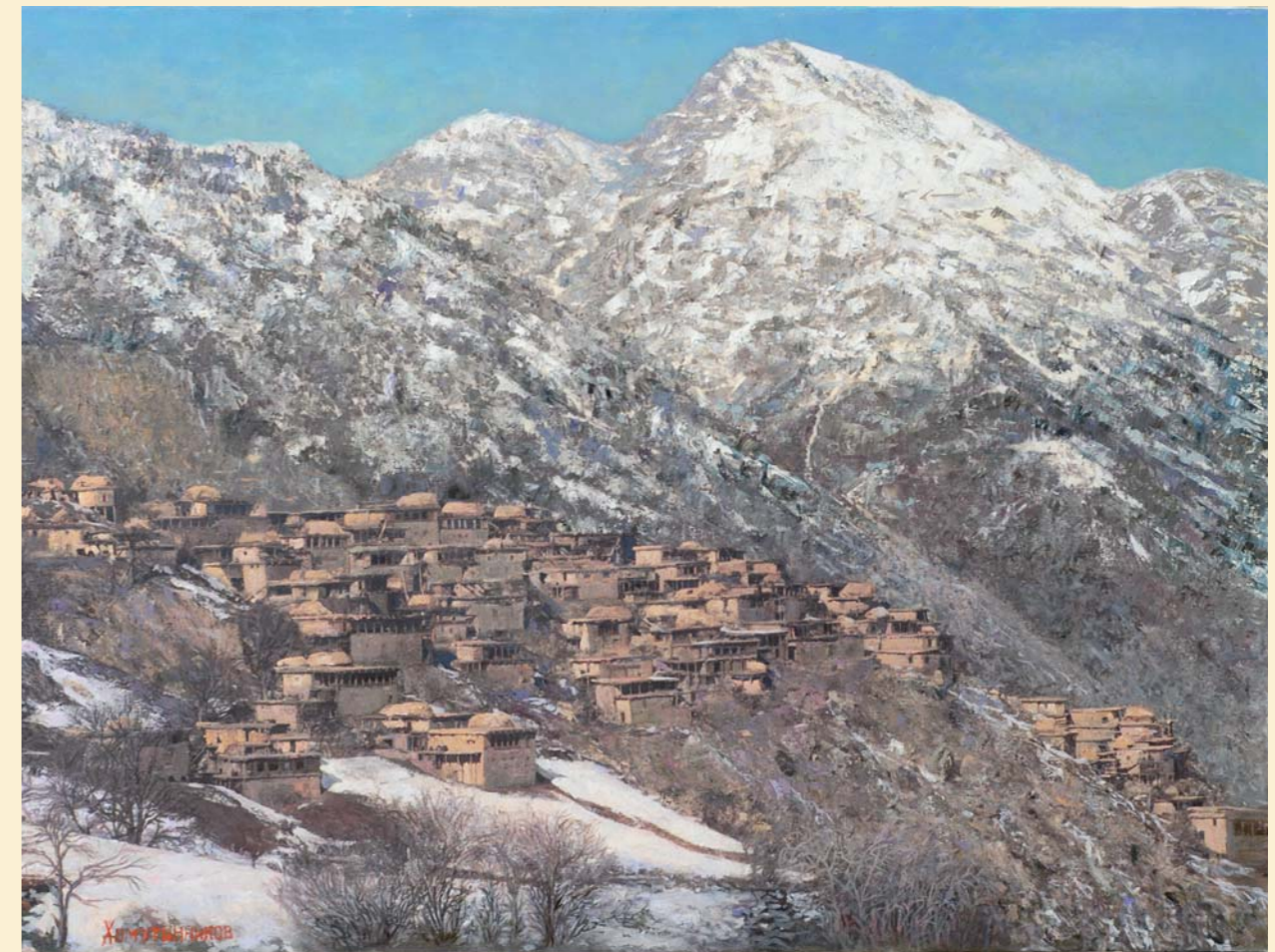
Через несколько минут, вернувшись в батальон, майор Гайдай собрал командиров рот и довел до них поставленную командованием задачу. Определелись с боевым порядком батальона. В головную походную заставу комбат отрядил 4-ю мотострелковую роту.

Исходный рубеж был назначен на левом берегу Печдары в районе между кишлаками Пероне и Шамиркот. И уже около одиннадцати ночи с этого рубежа одна за другой начали выдвигаться роты, буквально проваливаясь через несколько мгновений в сплошную тьму.

Афганская ночь – явление особое. В небе, абсолютно безоблачном и черном, усыпанном неестественно круглыми, словно большими серебряными монетами, немигающими звездами, светит яркая непривычно большая луна. А на земле – абсолютная темень, такая, что не видно пальцев на вытянутой руке. Поэтому шли, безо всякого преувеличения, на ощупь.

На местности ориентировались старым и проверенным способом. Еще до выхода уточненный с проводниками маршрут был нанесен на карту. Затем обозначены углы всех поворотов и с помощью курвиметра замерено точное расстояние до каждого из них. Обычно офицеры взводного и ротного звена пользовались мелкомасштабными картами 1:25000 или 1:50000. Поэтому погрешность в измерениях не превышала и десятка метров. Зная длину своего среднего шага и, соответственно, пары шагов и разделив на нее протяженность маршрута в метрах, несложно получить количество пар шагов до искомого поворота. Тогда в дело вступал механический шагомер, которым оснащался назначенный для подсчета шагов боец. А для подстраховки еще два человека из разных взводов считали свои пары шагов. Так что, имея компас с фосфоресцирующим циферблатом и стрелкой, риск заблудиться в темноте и свернуть не в том месте сводился к нулю. Так было и в этот раз.

По дороге вдоль Печдары прошли около трех километров. Затем в районе кишлака Дергай свернули вправо в Панджигальское ущелье и начали карабкаться вверх по правому склону хребта. Метрах в десяти от его гребня продолжили движение на север. Шли очень медленно, постоянно преодолевая попадающиеся на пути крутые, местами отвесные скалы, оставляя на них последние силы.

«Горный кишлак». Художник Анатолий Хомутильников.

И так до самого рассвета. Благо, во время этого восхождения никто не сорвался. Проводники в ответ на вопрос, что же это за такая странная тропа, твердили одно и то же – так надо, все нормально, идем правильно.

Майская ночь коротка. Вскоре забрезжил рассвет. Внизу, метрах в трехстах спереди, сквозь утренние сумерки проступали очертания кишлака Панджигаль.

Пришлось сделать небольшой привал, чтобы подтянуть, сгруппировать растянувшиеся по склону и вконец измотанные подразделения батальона. Наконец-то собрались, закрепились, выставили охранение.

Неожиданно с КП Варенникова поступила незапланированная вводная: прочесать и досмотреть Панджигаль с подошедшим подразделением афганской народной армии. Кишлак заблокировали, а одна из рот отправилась вместе с сарбозами на «талаши контрол». В течение часа с небольшим прочесали кишлак и его окрестности. Чуть выше кишлака, в скалах, обнаружили, свеженький, видимо, совсем недавно оборудованный схрон с имуществом и снаряжением. Трофеей не Бог весть какой – горные ботинки, куртки-штормовки, спальные мешки, пакистанские «лифчики»-разгрузки и прочее барахло. Но в горах лишним не будет.

Между тем генерал Варенников несколько раз лично выходил на связь с майором Гайдаем и подгонял его с выдвижением батальона на рубеж выполнения боевой задачи.

Так что сразу же после прочески комбат вызвал к себе командиров рот, чтобы уточнить дальнейшие действия. Совещались на повышенных тонах. Капитан Перятинец, чья рота должна была и дальше идти в головной походной заставе, пытался убедить Гайдаю не пороть горячку, не спускаться в ущелье, а идти дальше по гребню хребта. Пусть медленнее, зато безопасно. Но майор, «подогретый» вышестоящим начальством, ничего не хотел слышать. Не стеснясь в выражениях и угрожая ротному всеми возможными карами, он настоял на своем и отправил роту как раз тем маршрутом, на котором так настаивали афганские проводники. В качестве усиления комбат придал 4-й роте гранатометный взвод батальона и своего замполита – майора.

Надо сказать, этот майор особым авторитетом среди офицеров и солдат батальона не пользовался. Идеинный до мозга костей и велеречивый на партсобраниях и политзанятиях, в бою он был совершенно бесполезен, а еще и трусоват.

Свою настойчивость командир батальона майор Гайдай оправдывал еще и тем, что по информации от вышестоящего начальства батальону ничего не угрожает, потому что подразделения, прикрывающие его с господствующих высот, уже вышли на свои рубежи и готовы к взаимодействию.

Правда, все было с точностью до наоборот: разведрота 149 мсп, вышедшая на задачу из резерва в ночь с 23 на 24 мая по непонятным причинам до Автаксара не дошла и, закрепившись на высоте 1741, пропустила вперед батальон и вскоре вообще ушла со связи с ним. Вместо парашютно-десантного батальона, как выяснится позднее, позиции на высотах 1826 и 1909 занимали моджахеды. Десантники, облаченные согласно приказу в бронжилеты, навьюченные минометами и гранатометами, попросту физически не смогли выйти на свой рубеж, застряв на первом ярусе скал. А «проверенные и надежнейшие» проводники, за которых ручался руководитель операции, оказались «засланными казачками» Юнуса Халеса. И вели они батальон не к обещанным складам, а в засаду, умело подготовленную «черными аистами». Но тогда всего этого в батальоне не знали.

А приказ есть приказ, и около половины десятого утра 25 мая 1985 года четвертая рота в количестве 63 солдат и офицеров выдвинулась для его выполнения.

2-й взвод гвардии старшего лейтенанта Геннадия Транина с проводниками пошел в боевом разведдозоре роты. Следом выдвинулся 1-й взвод во главе с ротным Александром Перягинцем. С ним шли замполит роты гвардии лейтенант Юрий Молокитин и минометный взвод гвардии лейтенанта Валерия Замкового. Там же находился и вышеупомянутый майор. За ними – третий взвод под командованием гвардии лейтенанта Владимира Щенникова. Слева в боковом охранении пробирался гранатометный взвод батальона и в замыкании – гранатометно-пулеметный взвод роты во главе с гвардии прапорщиком Александром Волковым.

Таким порядком по южному склону горы Автаксар рота проследовала в северо-восточном, а затем в восточном направлении, стремясь обойти кишлак Коньяк с севера и выйти к предполагаемому местонахождению складов.

Подозрение вызывало то, что проводники как-то странно вели роту, якобы в обход минных полей, но по совершенно открытому склону. Поэтому, не особо доверяя им и невзирая на причитания о том, что не надо отходить от их тропы, Геннадий Транин старался направлять свой взвод через скалы или как можно ближе к ним, так, чтобы при случае было где укрыться.

Прошло около часа. Спереди справа показалась каменная гряда, переходящая в беспорядочное нагромождение скал. Транину, воевавшему в Афганистане уже вто-

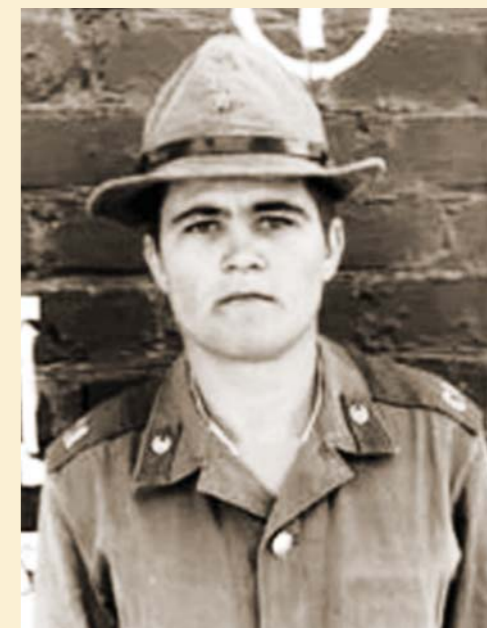

рой год и немало повидававшему в горах на этой войне, место показалось очень подозрительным, просто идеальным для возможной засады. Доложив по рации командиру роты о своих подозрениях, взводный решил отправить к гряде дозорных, чтобы, взобравшись на нее, тщательно осмотреться. И предчувствия его не обманули.

Командир 2-го мотострелкового взвода 4-й мср гвардии старший лейтенант Геннадий Транин (слева) и командир 3-го мотострелкового взвода гвардии лейтенант Владимир Щенников.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ ПОДВИГА

Осмотреть гряду вызвались младший сержант Василий Кузнецов и рядовые Виктор Акчешаш и Александр Францев. Первым пошел Кузнецов. Метрах в двадцати справа и слева чуть сзади карабкались по склону Акчешаш и Францев. Таким образом они успели пройти несколько десятков метров, как вдруг Кузнецов выпрямился во весь рост и, взметнув вверх буквой Т руку с автоматом, на мгновение замер. Для оставшейся сзади роты это был сигнал опасности. В следующую секунду на разведдозор обрушился шквал ружейно-пулеметного огня. Акчешаш и Францев, успев выпустить по врагу лишь по паре очередей, были расстреляны в упор. Василий Кузнецов, получив сразу несколько ранений, упал в 10-15 метрах от обнаруженных им духовских позиций.

Гвардии младший сержант Василий Александрович Кузнецов

Он отчетливо слышал радостное гоготание душманов, видимо, намеревавшихся коротким броском приблизиться к нему и захватить в плен. Что думать в тот миг пацану, которому через две недели должно было исполниться 19 лет, представить трудно. Но действовал он на удивление хладнокровно. Подобрал под себя все имевшиеся гранаты и вырвав чеку у одной из них, он, сжимая в руке предохранительный рычаг, грудью навалился на эту импровизированную мину. Когда подбежавшие моджахеды с криками «Аллах акбар!» перевернули его и попытались поднять, грохнул мощный взрыв, отправивший на свидание с Аллахом сразу с полдюжины душманов.

Афганские моджахеды перед засадой

Еще через мгновение огненный смерч накрыл расположение остальной роты. Но предназначение свое погибший разведдозор выполнить успел: получившие сигнал опасности «рулеты» (так звали бойцов 4 роты по их радиопозывному) успели рассыпаться по склону и хоть как-то укрыться среди камней.

При этом оборона роты выстроилась следующим образом: справа впереди всех, удерживая весь восточный сектор, сражался второй взвод старшего лейтенанта Геннадия Транина. Первый взвод во главе с командиром роты оборонял северо-восток. Правда, ситуация сложилась так, что в какой-то момент духи сумели своим огнем отрезать КП командира роты от основных сил взвода. Третий взвод Владимира Щенникова держал оборону северного сектора. Левее и сзади всех северо-западный участок и тыл роты защищал гранатометно-пулеметный взвод.

Пользуясь неразберихой в начале боя, проводники-предатели попытались перебежать к моджахедам. Напрасно. Первый, не успев пробежать и десятка метров, был срезан автоматной очередью. Вторым почти добежал до душманских позиций. Но в нескольких метрах от них его настигла меткая и хладнокровная пуля одного из гвардейцев. С первых минут боя стало понятно, что противник у наших мотострелков весьма серьезный, хорошо обученный, и управляет им чья-то опытная рука. Команды отдавались на арабском языке по мегафону. По нему же время от времени душманы на приличном русском языке предлагали гвардейцам сдаться. К тому же духи сумели просканировать основную, а затем и запасную радиочастоты батальона и стали вклиниваться в радиообмен, пытаясь вносить дезинформацию и путаницу. Однако расчет душманов на то, что наши бойцы не выдержат первоначального натиска и побегут, и тогда их можно будет перестрелять как в тире, не оправдался. Как и не сработал главный их план – заманить в ловушку и уничтожить весь батальон. А подготовились они к этому весьма основательно.

Как выяснится позже, 2-му батальону численностью 178 человек противостояло в общей сложности порядка шестисот духов, в том числе и «черные аисты». Вооружение – минометы, безоткатные орудия, зенитная горная установка (ЗГУ), крупнокалиберные ДШК, ручные гранатометы и пулеметы, снайперские винтовки и автоматы.

Теперь вся эта огневая мощь обрушилась на 4-ю роту. Особенно тяжелыми были первые два часа боя, когда плотный огневой шквал не стихал ни на мгновение. Появились первые убитые и раненые. Полностью полет минометный взвод вместе со своим командиром лейтенантом Валерием Замковым. Спасая раненых, погибли санинструкторы рядовые Василий Фицык и Виктор Демкин.

Уши закладывало от беспрерывной автоматной пулеметной трескотни, разрываемой частыми и звонкими, как удар хлыста, выстрелами духовских «буров». Судя по характерным разрывам и разлетающимся осколкам, душманы вели огонь экспансивными (разрывными) пулями. Эту какофонию дополняли гулкий и размеренный рокот ДШК и буханье безоткаток. Позиции роты затянуло пеленой темно-серой пыли, вздымаемой мириадами пуль, вгрызающихся в землю и камни. Казалось, ничего живого там уже не может быть.

Но рота жила. Даже неся потери, истекая кровью, она не просто держалась, но и умело оборонялась, отбив несколько атак, заставив при этом духов заплатить куда более высокую цену за каждого из погибших гвардейцев.

Положение становилось еще тяжелее от того, что душманы держали под постоянным обстрелом основные силы батальона, прижимая их огнем к скалам, не давая возможности прорваться в обход на выручку к «рулетам». Духовские снайперы, расположенные на разных ярусах по западным склонам Вотапурского ущелья и над кишлаком Коньяк (где как раз должны были находиться десантники), методично и точно расстреливали КП батальона и позиции 5-й и 6-й рот на противоположном склоне Панджигальского хребта. Так, с расстояния не менее чем 750-800 метров был убит боец-минометчик, лишь на мгновение высунувшийся, чтобы закинуть мину в ствол миномета. Причем пуля снайпера попала точно в шею.

С самого начала командир роты капитан Перятынец постоянно пытался вызвать огонь артиллерии или авиацию, давая конкретные координаты целей, чтобы под

прикрытием огня рота смогла бы отойти на более выгодную позицию и закрепиться. Но тщетно. Получилось, что он давал те же координаты противника, которые указывал десантный батальон как свое местонахождение, хотя его там и близко не было. Позже ротный вызвал огонь на себя, чтобы попытаться отойти с ранеными и отсечь преследование моджахедов. Но и тогда артиллерии не дождался. По непонятному стечению обстоятельств вся артиллерия, участвовавшая в операции, работала на одной частоте. Не трудно себе представить, что творилось в эфире в том диапазоне. Поддержку артиллерии рота так и не получила.

Имея кроме своей штатной радиостанции еще и «Ромашку» (станцию связи с авиацией), Перятынец пытался также вызвать на помощь и «вертушки». И в этот раз удача улыбнулась ротному: в воздухе вскоре показались два «крокодила» (вертолеты огневой поддержки Ми-24). Обозначив наземными оранжевыми сигнальными дымами свое местоположение и цветными воздушными дымами позиции душманов, командир роты по радио навел вертолеты на противника. «Вертушки», сделав первый боевой заход, обстреляли духов управляемыми авиационными ракетами. Но этот заход оказался последним. Моджахеда открыли по вертолетам огонь из «Зикроята» (14,5 мм зенитная горная установка китайского производства) и ДШК. Затем еще и выпустили ракету из ПЗРК. К счастью, ракета ушла мимо, а огонь из ЗГУ и ДШК видимого урона вертолетам тоже не нанес. «Крокодилы» пошли на разворот, казалось, готовясь к следующему заходу на цель. Но не тут то было. Вертолеты ушли. Ушли окончательно и бесповоротно. Теперь уже роте надеяться было не на кого...

И тут себя во всей красе проявил «батальонный комиссар», тот самый майор.

В первые мгновения, как только началась стрельба, горе-замполит сразу же заскочил за первый подвернувшийся камень и затаился там, боясь хоть на миг высунуться из-за него. В нескольких шагах от него находился рядовой Фамил Мустафаев, который, успев занять удобную позицию, прицельно бил из своего автомата по врагу.

В какой-то момент майор неудачно высунув из-за своего камня ногу, получил касательное ранение в мягкую часть икры. Вконец обезумевшему от страха, ему показалось, что ведущий бой Мустафаев занимает более безопасное укрытие. Замполит перескочил туда и с криком «Пошел вон! Не видишь, я ранен!» вышвырнул бойца за шиворот на открытое место. Перебегая в поисках новой позиции, Мустафаев был тяжело ранен и потерял много крови. С огромным трудом товарищи вытащили его из-под огня и перетащили в новое укрытие. Позднее, лежа в своем схроне, майор несколько раз выкрикивал: «Уходить надо, мужики, уходить, пока всех не перестреляли». Слава Богу, его скулж на бойцов никак не подействовал. Кстати сказать, этот «комиссар» потом первым покинул поле боя. Единственный, кто сделал это, не дождавшись команды к отходу.

Шел уже пятый час боя... Патронов оставалось все меньше и меньше. В ход давно пошли боеприпасы убитых и раненых товарищей, но и они были уже на исходе. Порой от наседавших душманов приходилось отбиваться гранатами. Но самое

страшное заключалось в том, что был тяжело ранен командир роты гвардии капитан Александр Перятынец. И не было никакой возможности вынести его в безопасное место.

С самого начала боя ротный командный пункт располагался практически в центре обороны 1-го взвода.

14,5 мм зенитная горная установка моджахедов «Зикроят» (Тип 75-1 –облегченный вариант советской ЗГУ-1 китайского производства)

По наличию радиостанций духи вычислили КП, и, сосредоточив по нему самый плотный огонь, несколько раз бросались в атаку, пытаясь его захватить. Именно по этой причине больше всего гвардейцев были ранены и сложили головы как раз на этом пятачке обороны. С первых минут перед командиром роты, а также справа и слева от него сражались сержанты Василий Вохмянин, Вячеслав Дуплищев, Шухрат Кодиров, рядовые Алексей Абакумов, Нурик Алибаев и Заза Царцидзе. Здесь они и полегли.

В живых рядом с ротным остались только замкомвзвода сержант Виктор Еровенков и командир отделения сержант Ильфак Гареев. Да еще Юра Соколовский, отбивавшийся от духов метрах в 15-17 левее КП роты.

А духи наседали все сильнее и яростней. В какой-то момент разрывная пуля перебила Александру Перятинцу ногу выше колена. Под шквальным огнем Еровенков и Гареев вытащили истекающего кровью командира и укрыли его в небольшом гротике в одной из скал. Перетянули жгутом болтающуюся на сухожилиях ногу, перевязали. Ротный потерял много крови и слабел на глазах. Несмотря на это, он продолжал управлять своим подразделением.

Более всего капитан опасался, что в бессознательном состоянии может попасть душманам в руки. Чтобы этого не случилось и на случай, если моджахеды внезапно прорвутся к нему, Перятинец засунул в выемку скалы у себя под рукой гранату Ф-1 с выдернутой чекой так, чтобы ее можно было легко выбить одним движением. Ближе к вечеру, когда стало совсем плохо, он приказал Еровенкову и Гарееву оставить его и уходить. Но впервые за все время службы сержанты отказались выполнить приказ своего командира. Отстреливаясь со своих позиций за левой стенкой грота, они еще несколько часов не подпускали рвавшихся к ротному духов.

Гарееву пулей зацепило руку. Пользуясь затишьем, Еровенков подполз к раненому товарищу и начал перевязывать ему рану. Тот, чтобы не терять времени, снаряжал патронами магазин. В этот миг они и были застрелены снайперами, обошедшими их с незащищенной стороны.

После гибели Гареева и Еровенкова Перятинец понял, что шансов на спасение у него нет никаких. Сама смерть уже не слишком страшила его. Ему было досадно от того, что он, пусть и не по своей вине, завел своих бойцов в огненный капкан. От того, что ничем уже не может им помочь. Понимал он и то, что, оставаясь здесь, он поневоле может погубить всех, так как знал: ребята не уйдут, не бросят его, будут прорываться к нему, пока живы, пока есть боеприпасы. Пытаясь спасти роту, Перятинец несколько раз приказывал оставить его одного, вытащить остальных раненых и отходить.

– Уходите, не бойтесь! – высунувшись из своего грота, время от времени выкрикивал он. – Живым меня они не возьмут!

Но гвардейцы оставались на месте. И тогда капитан принял последнее свое решение – развязать руки оставшимся в живых, ценой своей жизни позволить им уйти.

Сначала он сжег свою рабочую карту. Затем, отстегнув от автомата магазин, выщелкнул один патрон. Оставшимися боеприпасами расстрелял ротную радиостанцию Р-148 и «Ромашку». После этого зарядил оставленный патрон.

Когда в бою наступило небольшое затишье, «рулеты», находившиеся неподалеку от КП роты услышали надрывный хриплый выкрик ротного: «Прощайте, мужики! Выходите, пока еще есть патроны. Выносите тех, кого можете. Я ухожу. Прости меня, Господи! Не поминайте лихом!». Затем из грота цокнул одиночный выстрел. Так ушел из жизни командир 4-й мотострелковой роты гвардии капитан Александр Григорьевич Перятинец, настоящий русский офицер, человек чести и долга.

Вскоре начало темнеть. Патроны были на исходе: у большинства оставалось по последнему неполному магазину. Держаться дальше было уже невозможно. Надо было отходить или прорываться к своему батальону. Собрав остатки роты и немного посоветовавшись, оставшиеся в живых офицеры приняли решение отходить к своим двумя группами. Первую группу составили все раненые и покалеченные в бою, а также менее подготовленные солдаты-первогодки. Задача группы – вынести и вывести раненых к расположению основных сил. Ее возглавил старший лейтенант Геннадий Транин. Он был весь посечен осколками и с трудом мог передвигаться.

Второй группе во главе с лейтенантом Владимиром Щенниковым предстояло прикрывать отход первой. Правда, и сам Щенников был ранен – пытаясь в очередной раз прорваться к ротному, он получил осколочное ранение в грудь. Но не подал вида и, насколько мог, скрывал это. Об этом знал только сержант Юрий Кабанов, который ножом и автоматным шомполом помог взводному вытащить осколок из груди. Тем же шомполом утрамбовал в рану марлевый тампон и заклеил пластырем.

Отдав группе прикрытия половину оставшегося боезапаса, Транин, доложив по радио о своих действиях комбату, начал со своими бойцами отход. Почти все раненые шли сами. Шли как могли – кто, опираясь на свой автомат, кто – на плечо друга. Разъяренные жестоким двенадцатичасовым боем и тяжелыми потерями, басмачи остервенело пытались преследовать гвардейцев. Но попадали под прицельный огонь группы прикрытия и, теряя своих людей, залегали. Раз за разом, убедившись, что группа с ранеными ушла уже достаточно далеко, короткими перебежками, поочередно прикрывая друг друга, группа Щенникова отходила и закреплялась на следующем рубеже. И так до тех пор, пока, наконец, окончательно не стемнело и духи опасаясь, что сами нарвутся на засаду, немного поотстали. Однако на поле боя остались погибшие гвардейцы и ротный командир. Оставить их тела на поругание врагу было немыслимо. **Потому что существовал святой неписанный закон – сколько ушло на боевой выход, столько и должно вернуться. Не важно, как – живыми, ранеными или убитыми.** Поэтому, отобрав четырнадцать добровольцев, физически и морально способных выполнить предстоящую задачу, Владимир Щенников отправился обратно к месту боя.

В кромешной тьме вышли на место. Издалека слышали голоса душманов и шум передвижений. Судя по всему, их было не менее полусотни. Подобравшись вплотную, гвардейцы затаились за каменной грядой. Щенников, Кабанов и Хантураев отделились от группы и, взобравшись на скалу, нависавшую над местностью, на слух забросали духов ручными гранатами. Грохнул десяток взрывов, затем поднялся гвалт, истошный вой. Было слышно, как поначалу моджахеды врассыпную кинулись прочь. Потом слышалось, как они поднимали стонущих раненых и уносили их. Возможно, выносили и убитых. После этого, басмачи быстро сгруппировались и двинулись вверх и вправо.

Выждав несколько минут, гвардейцы, бесшумно, со всеми предосторожностями вышли на поиски погибших товарищей. Искать в темноте приходилось буквально на ощупь. Скоро были найдены сразу восемь тел погибших. Они были выложены в ряд. Шестерых духи уже успели раздеть донага. Затем нашли еще четыре тела. Решили уходить, так как силами четырнадцати человек больше было не вынести.

Впереди пошел, прокладывая маршрут движения, замполит роты лейтенант Юрий Молокитин. Следом двигались двенадцать бойцов, каждый из которых нес на себе тело павшего в бою товарища. Последним, прикрывая отход, шел лейтенант Щенников.

Совсем скоро спины у солдат взмокли не только от тяжелой ноши, но и от крови, сочащейся из смертельных ран погибших сослуживцев. То и дело с разных сторон доносились приглушенные голоса духов. Чтобы не дать врагу застать себя врасплох, почти все шли, держа гранаты за кольца в зубах в мгновенной готовности пустить их в дело.

Часа через полтора-два добрались, наконец-то, до позиций батальона. На подходе предупредили по радио о своем приближении: не хватало только, чтобы приняв за духов, свои же открыли огонь по своим. Но по радостным возгласам: «Держитесь мужики! Мы идем к вам», сразу стало ясно, что «рулетов» ждали. Навстречу выскочили солдаты и офицеры из пятой и шестой рот батальона, которые помогли донести тела погибших ребят до своих позиций. Услышав это, духи, пытавшиеся идти следом, ментально исчезли.

Стали разбираться, кто кого выносил. И тут выяснилось, что сержант Юрий Кабанов, весивший немногим больше пятидесяти килограммов, все время тащил на себе, да еще в темноте и по скалам, настоящего великана, лейтенанта Валерия Замкового, который при жизни весил не менее девяноста килограммов. Удивительно, на что способен человек в минуту опасности!

Начало светать. Поэтому, не тратя времени на отдых, почти всем батальоном двинулись назад за остальными погибшими.

Нашли их быстро. Капитан Перятинец лежал в своем гротике. Изувеченная правая нога перетянута жгутом, комбинезон, сплошь покрытый пятнами засохшей крови. На лице – спокойствие и умиротворение. Рядом в выемке скалы зажата граната с вырванной чекой, напротив – две разбитые радиостанции и обгоревший клочок карты. Нашли и изуродованные взрывом останки Васи Кузнецова. Вокруг них валялись во множестве окровавленные клочья одежды моджахедов и их головные уборы. Погибших выносили на посадочную площадку, укладывая их на плащ-палатки. Но перед этим осмотрели позиции моджахедов: удобные бойницы и другие оборонительные сооружения, ходы сообщения, соединяющие мощные блиндажи, выдолбленные в скальной породе. Повсюду кучи стреляных гильз от всех видов

«Прощание». Художник Анатолий Хомутильников.

стрелкового оружия. И множество засохших пятен крови на скалах и в укрытиях, засохшие окровавленные бинты и обрывки одежды, пустые ампулы и упаковки от лекарств. Все это говорило о том, что у моджахедов были большие потери. Позднее от местных ХАДовцев поступила информация о том, что в этом бою духи потеряли более ста человек убитыми и ранеными.

Но 4-й роте пришлось заплатить за это дорогую цену. Погиб командир, погибли приданные роте два медика-санструктора. Второй взвод, который шел первым и принял на себя основной удар, потерял пять человек убитыми и четырех ранеными. В первом взводе погибли три человека и трое были ранены. Еще один молодой солдат из этого взвода от всего увиденного потерял рассудок и потом был комиссован.

Минометный взвод – шесть человек – погиб полностью вместе с командиром лейтенантом Замковым. В третьем взводе убит один человек и два человека были ранены. Гранатометчики потеряли три человека убитыми и три человека были ранены. Всего 21 убитый и два десятка раненых.

ВОИНЫ 2 мсб 149 гв. мсп, ПОГИБШИЕ В БОЮ 25.05 1985 г.

командир роты гвардии капитан **Перятинец** Александр Григорьевич
командир огневого взвода гвардии лейтенант **Замковой** Валерий Константинович
заместитель командира взвода гвардии сержант **Еровенков** Виктор Владимирович
командир отделения гвардии младший сержант **Кузнецов** Василий Александрович
командир отделения гвардии младший сержант **Гареев** Ильфак Вахитович
снайпер гвардии рядовой **Абакумов** Алексей Викторович
пулеметчик гвардии рядовой **Алибаев** Нуритдин Юлдашбаевич
пулеметчик гвардии рядовой **Акчешаш** Виктор Николаевич
пулеметчик гвардии рядовой **Францев** Александр Васильевич
командир отделения гвардии младший сержант **Вохмянин** Василий Михайлович
наводчик миномета гвардии ефрейтор **Андреев** Владимир Константинович
наводчик миномета гвардии рядовой **Лукошкин** Алексей Петрович
наводчик миномета гвардии рядовой **Христофоров** Алексей Валентинович
стрелок гвардии рядовой **Ходжакулиев** Русалберды Суханович
минометчик гвардии рядовой **Забоев** Юрий Михайлович
старший наводчик гранатомета гвардии рядовой **Царцидзе** Заза Михайлович
снайпер гвардии рядовой **Цалай** Владимир Иванович
санструктор гвардии рядовой **Фицик** Василий Петрович
старший санитар гвардии рядовой **Демкин** Виктор Петрович
командир отделения гвардии младший сержант **Дуплищев** Вячеслав Анатольевич
командир отделения гвардии младший сержант **Кодиров** Шухрат Мухаммаджонович
наводчик миномета гвардии рядовой **Хамзаев** Абдулханон Бобоалиевич – умер в госпитале от ран 26.05.1985 г.

И даже после такого тяжелейшего боя оставшиеся бойцы роты продолжили участие в Кунарской войсковой операции. Лейтенант Щенников, оставшийся в роте после госпитализации старшего лейтенанта Транина единственным боевым командиром, от предложения лечь в госпиталь отказался. Под его командой и вместе с замполитом роты лейтенантом Молокитиным гвардейцы с боями прошли от Асадабада до Асмара, выполнив при этом сложную боевую задачу в районе снискавшего дурную славу ущелья Шигал.

По итогам операции душманы в провинции Кунар потеряли убитыми более 4200 человек. Было захвачено и уничтожено более 100 артиллерийских орудий и минометов, около 200 крупнокалиберных пулеметов, более 160 различных складов, 2,5 миллиона различных боеприпасов и учебно-подготовительный центр. Важным итогом операции явилось деблокирование автодороги Джелалабад – Барикот, которое позволило вплоть до вывода гарнизона Асадабада летом 1988 года, обеспечить его относительно безопасное обеспечение.

ПРАВДА ГДЕ, А ГДЕ ЛОЖЬ...

Но самое тяжелое началось позже. За погубленные жизни кому-то надо было отвечать. И высокое начальство решило свои промахи свалить на командира 2-го батальона и на геройски погибшего командира роты. Мол, комбат заблудился в горах, а ротный плохо организовал бой. Якобы он, не зная, где находится, координат своих не давал, из-за чего оказать ему помощь артиллерией и авиацией было невозможно. О приставленных к роте «надежнейших» афганцах-проводниках вообще никто не заикался. На майора Гайдая было заведено уголовное дело, следствие тянулось девять месяцев – с 3 июня 1985 года по 28 февраля 1986 года. При этом на следствие оказывалось всяческое давление, чтобы оно в сжатые сроки сделало «правильные» выводы. Но первый следователь, не желая идти на сделку с совестью, особого усердия не проявлял, как мог затягивал дело и осенью благополучно заменился в Союз.

Второй следователь, оказавшись еще более принципиальным, вовсе не оправдал надежд руководства и довел дело до логического конца. Даже передернутые факты и искаженная информация, которые с началом следствия были вброшены заинтересованными лицами, не помешали дотошному следователю докопаться до истины, разобраться во всех реальных обстоятельствах произошедших событий и сделать из этого верные и справедливые выводы.

О чем в адрес командования 103-й воздушно-десантной дивизии было вынесено частное определение, хотя и в максимально мягкой форме. Понятно, что докопаться до всей правды и добраться до более высокопоставленных виновников случившегося в те времена следователю не позволили бы. В конце концов, дело было закрыто, и комбата майора Гайдая освободили от уголовной ответственности.

Но, как говорится, процесс уже пошел. И выразился он в обстоятельствах весьма неприглядных. Для начала армейское командование, чтобы не афишировать факт больших потерь, настоятельно рекомендовало командованию 149-го гвардейского полка втихую отправить в Союз гробы с телами погибших. В принципе, такая практика отправки погибших на Родину существовала и раньше. Однако, не зирая на высокую вероятность лишиться партбилета и карьеры, командир полка гвардии подполковник Александр Скородумов, пожалуй, впервые в истории Ограниченного контингента

Прощание с гвардейцами 4-й роты.

Командир 149 гв.мсп гвардии подполковник А. Скородумов во главе траурной процессии.

Советских войск в Афганистане организовал прощание с павшими как с героями, со всеми воинскими почестями. Он построил полк на плацу перед гробами с телами погибших. Боевое знамя части было вынесено и склонено перед ними.

Затем полк под скорбные звуки оркестра проследовал траурным маршем через весь гарнизон в сторону аэродрома. Во главе строя шел гвардии подполковник Скородумов. За командиром полка несли гроб с телом командира роты гвардии капитана Александра Перятинца, следом – остальные гробы с телами погибших однополчан. Окончательное прощание с погибшими было уже на летном поле, где в ожидании погрузки уже стоял «черный тюльпан» Ан-12. «Груз 200» выстроили в ряд, мимо которого после траурного митинга полк, отдавая последние почести погибшим, прошел торжественным маршем при развернутом Боевом знамени.

Затем под траурный марш гробы были погружены в самолет, который, взлетев, сделал прощальный круг над Кундузом и взял курс на Родину.

Еще более неприглядная ситуация сложилась с награждением воинов, погибших и отличившихся в том памятном бою.

Младшего сержанта Василия Кузнецова представили к званию Героя Советского Союза посмертно. Однако наградили только орденом Ленина. Запущенный маховик лжи вокруг обстоятельств произошедшего в Панджигальском ущелье уже было не остановить. На возвращенном представлении к званию Героя какой-то чинуша из штаба 40-й Армии наложил потрясающую по своей тупости и цинизму резолюцию: «Подвиг устарел».

Имена других бойцов 4-й роты всячески замалчивались, совершенные ими героические поступки и подвиги изошренно принижались и искажались до неузнаваемости. Тот же командир роты Александр Перятинец, без сомнения, достойный присвоения звания Героя Советского Союза, был посмертно награжден дежурным в таких случаях орденом Красной Звезды.

Уже в 2009 году было возбуждено ходатайство о пересмотре награждения Кузнецова В.А. и присвоении ему звания Героя России посмертно. Безрезультатно. Видимо, маховик, запущенный четверть века назад вращался и в ту пору. Другие воины ожидали своих заслуженных наград годами или не дождались вообще.

Хотя, лучшей наградой павшим героям является, конечно же, память о них.

Потому что подвиг их – долг их назван святым. По той причине, что берет он начало свое от Евангельского Слова Христа: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя».

И эта память живет, передаваемая от поколения к поколению, увековеченная в рассказах, в песнях и стихах, на плитах памятников, в названиях улиц. Так, в городе Новошахтинск Ростовской области именем гвардии капитана Александра Григорьевича Перятинца названа одна из улиц, а на здании школы, в которой он учился, установлена мемориальная доска.

Имя гвардии младшего сержанта Василия Александровича Кузнецова высечено на плите Мемориала студентам Ветеринарной академии, погибшим при исполнении интернационального долга в парке Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина в Кузьминках. В селе Кашаевка Пачелмского района Пензенской области центральная улица носит имя Василия Кузнецова. А в соседнем селе Татаро-Никольское перед сельской средней общеобразовательной школой 26 мая 2015 года были торжественно открыты бюст и мемориальная доска, посвященные Василию Александровичу Кузнецову.

В далеком Уссурийске в честь Александра Францева, погибшего в первые минуты боя рядом с Кузнецовым, названа улица в центре города. Каждый год, 25 мая, ветераны 4-й роты и 2-го батальона собираются на кладбище в подмосковном Подольске, где похоронен гвардии рядовой Алексей Абакумов. В подольской школе № 13 установлена мемориальная доска в память об Алексее. И так во многих других городах и селах.

Так и должно быть. Ибо герой не умирает, пока память о нем живет.

МАРВАРА, ПЕЧДАРА, БАДАБЕР...

Ведь русские никогда не сдаются.

Описанный эпизод 1985 года был далеко не единственным в славной и трагической истории Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Доблесть свою советские солдаты проявляли даже тогда, когда этого невозможно было сделать по определению – в плену. Ровно за месяц до описанных событий буквально в сотне километров на юг, в окрестностях пакистанского Пешавара 26 апреля 1985 года вспыхнуло вооруженное восстание горстки советских военнослужащих, попавших в плен к моджахедам.

Незадолго до восстания, ночью, в лагерь завезли большое количество различного оружия: двадцать восемь грузовиков с ракетами для реактивных минометов и гранатами для гранатометов, а также автоматами Калашникова, пулеметами, пистолетами. Значительная часть поступившего оружия должна была вскоре уйти в Панджшерское ущелье – в отряды моджахедов под командованием Ахмад Шаха Масуда.

Двенадцать советских и сорок афганских военнопленных, захваченных в ходе боевых действий в Панджшере и Карабаге в 1982-1984 гг., сумели разоружить охрану и захватить склад боеприпасов. Они потребовали прибытия советских дипломатов, представителей пакистанских властей и международных общественных организаций. Место происшествия было блокировано отрядами афганских мятежников и пакистанских малишей, а также пехотными, танковыми и артиллерийскими подразделениями 11-го армейского корпуса вооруженных сил Пакистана.

После непродолжительных переговоров с восставшими лидер Исламского общества Афганистана Б. Раббани, по согласованию с пакистанскими войсками, отдал приказ о штурме тюрьмы, в котором наряду с отрядами афганских контрреволюционеров приняли участие и пакистанские подразделения. Против обороняющихся были применены артиллерия, танки и боевые вертолеты. Штурм продолжался всю ночь. Утром 27 апреля начался артобстрел тяжелой ствольной артиллерией, после чего склад вооружения и боеприпасов взлетел на воздух. В результате взрыва и возникшего пожара был уничтожен ряд объектов, в том числе и канцелярия тюрьмы. По другим данным, восставшие сами взорвали склад, когда исход боя стал уже ясен. **Все советские и афганские военнопленные, принявшие участие в восстании погибли. Но погибли свободными, погибли как воины – с оружием в руках.**

Рассказывает Сергей Князев (в 1983-84 гг. – командир 3-го мотострелкового взвода 5 мотострелковой роты 2-го мотострелкового батальона 149 гвардейского мотострелкового полка).

– У каждого своя история, у каждого своя судьба. Мне повезло тем, что я воевал в хорошем, в легендарном батальоне и горжусь до сих пор тем, что потерь у нас практически не было.

Я знал ребят из 4-й роты, я знал их командиров, в их боевом мастерстве у меня нет никаких сомнений. **Потому что там люди знали: надо воевать, не за себя, а, в первую очередь, за друга.** Ведь у любого бойца была главная цель – выполнить боевую задачу, а у его командира – выполнить эту самую задачу, сохранив при этом своих людей, и уже потом постараться остаться в живых самому. Поэтому именно на войне все проявлялось сразу, как на ладони. Все становилось ясно буквально в первые две – три недели: кто и что из себя представляет. А в бою за чужую спину не спрячешься.

Про себя рассказывать не люблю, что там рассказывать? Я был тяжело ранен из крупнокалиберного пулемета, и действительно так получилось, что это было в горах, там, где пять дней батальон пробивался, а из сорока машин пробилось всего лишь пять. И когда меня ранили, солдаты вынесли меня из-под огня. Было еще двое раненых. Уже смеркалось, вертолет нельзя было вызвать. И тогда уже мой друг,

Князев Сергей Николаевич.

В 1983-1984 гг. принимал участие в боевых действиях в Республике Афганистан. Был тяжело ранен, потерял ногу, но добился разрешения на продолжении воинской службы и остался в строю, за что был прозван «афганским Маресьевым».

В настоящее время – руководитель Московского областного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое Братство».

Рафаэль Мурсалимов (катати, из 4-й роты), взял на себя ответственность и рискнул. Он загрузил в боевую машину меня и еще двух раненых. Там было надо буквально семь километров проехать. И он проехал, прорвался там, где целый батальон пробивался с боями несколько дней. И вывез нас. Душманы к такой дерзости и наглости были просто не готовы. Но это был единственный реальный способ спасти нам жизнь.

Я сейчас смотрю много фильмов про Афганистан. И «Охотники за караванами», и фильм «Афганец». С чем-то могу согласиться, с чем-то – нет. Но действительно одно – на войне может быть все.

Поэтому нам есть, что сказать народу, что рассказать, что передать молодежи. Цель одна – чтобы помнили о всех героях всех прошедших войн. Чтобы войн не было вообще – ни больших, ни малых. Я по себе сужу. Воевал мой дед, воевал я, воюют мои дети. Я очень хочу, чтобы хотя бы моим внукам воевать не пришлось.

Встреча воинов-афганцев с юнармейцами в Дмитровской центральной библиотеке

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Книга 1.
Аркадий Зюзин
“Непобежденный”

Книга 2.
“Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим
(Звездинский)”

Книга 3.
Аркадий Зюзин
“Первые в созвездии СУ”

Книга 4.
Аркадий Зюзин
“На защите
Отечества”

Книга 5.
Лариса Черкашина
“Александр Пушкин.
Тайны древа”

Книга 6.
Аркадий Зюзин
“Притяжению земному
вопреки”

Книга 7.
Ирина Пятилетова
“Странствия
русского пилигрима.
Святая Земля”

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское,
«что в бору»

Книга 9.
Николай Черкашин
“Легендарный
Севастополь”

Книга 10.
Аркадий Зюзин
Николай Черкашин
“Бросая вызов
бездне”

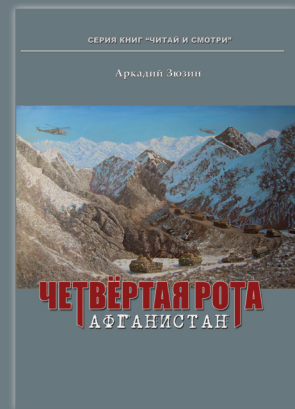
Книга 11.
Ирина Пятилетова
“Анна из рода
Патрикеевых. (Иоанна
Дмитровская).”

Книга 12.
Татьяна Мирошник,
Владимир Мирошник
“Минное поле”

Книга 13.
Николай Черкашин
“Глубины,
дельфины,
Галина...”

Книга 15.
Аркадий Зюзин
“Четвертая рота”
Рекомендуем посмотреть!
Документальный сериал
“Миссия в Афганистане.
Первая схватка с терроризмом.”
Фильм 3 “Кунар, 1985 год.” (2018 г.)
Производство “ГПЦ Продакшн”
по заказу ТРК ВС РФ “Звезда”

Книга 14.
Николай Черкашин
“Брестские врата”

Художественный сериал «Крепость Бадабер» (2018 г.)
Россия, Киностудия «КИТ»
Режиссер Кирилл Белевич

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»
Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко
Литературный редактор Ирина Пятилетова
Корректоры Мария Лобанова, Юлия Пруцкова
Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта
Москва - 2019

